

направленных на выявление и документирование фактов нарушения законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Литература

1. Потапова Н.Н. Выявление и расследование мошенничества, совершаемого в сфере страхового бизнеса: автореф. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.

2. Лабутин А.А. «Мобильные» мошенничества: основные способы совершения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 12.

3. Абышов Д.З., Потапова Н.Н. Некоторые особенности выявления и раскрытия бесконтактного мошенничества // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40).

4. Давыдов В.О., Тишутина И.В. Об актуальных проблемах криминалистического обеспечения раскрытия и расследования мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2 (14).

Н.С. Железняк

О НЕСОГЛАСОВАННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Закономерности возникновения юридических коллизий в отечественном праве давно стали обыденностью в жизни российского правоприменителя, выявления этих противоречий в той или иной отрасли права или нормативном акте встречаются достаточно часто.

Наполеон I Бонапарт (1769–1821 гг., французский император, полководец и государственный деятель, заложивший основы современного французского государства) еще в XVIII в.

разобрался в этом парадоксе, отметив, что легче составлять законы, чем исполнять их.

Ежедневно выявляя пробелы и несовершенства там, где их не должно было бы быть априори, мы с усердием археолога восполняем картину идеального законотворчества, анализируя нормы и предлагая их варианты в надежде на лучшее.

Для исследователя кажется странным, когда одни и те же проблемы, вскрытые много лет назад, продолжают существовать и спустя значительное время. Так, Н.С. Железняк отмечал в 2008 г.: «Почему действующий Закон (далее – ФЗ об ОРД) можно назвать округлым? Округлость его объясняется наличием в нем не идеальной, но логики, не четких, но взаимосвязей между статьями закона и между содержащимися в них нормами. Но даже в целом при позитивных характеристиках ФЗ об ОРД сотрудники, осуществляющие борьбу с преступностью, практически ежедневно сталкиваются с его несовершенством, «острыми углами», серьезно затрудняющими выполнение служебного долга, препятствующими эффективной реализации правоохранительной функции» [1].

Мы согласимся с этим утверждением, фрагментарно проанализировав лишь одну из существующих в ФЗ об ОРД явных несогласованностей.

Так, в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 7 ФЗ об ОРД одним из оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) являются запросы на это международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

Основания, будучи юридическим синонимом причин или достаточных поводов, незыблемы с точки зрения их обязательности в конструкции определения законности осуществления оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ).

Таким образом, наличие запроса правоохранительного органа или правоохранительной организации иностранного государства, с которым Российская Федерация заключила

международный договор, неотъемлемый элемент возможности осуществления субъектами ОРД ОРМ.

Вместе с тем фразы, содержащаяся в п. 6 ч. 1 ст. 7 ФЗ об ОРД, не уточняет, что юридическим основанием для проведения ОРМ могут выступать запросы только тех международных правоохранительных организаций, членом которых Россия является либо признает юрисдикцию которых в установленном международным правом порядке [2].

Возвращаясь к возможности или поводу проведения ОРМ, следует отметить, что они не всегда приводят субъекта ОРД к выводу о необходимости осуществления ОРД. Сама возможность проведения ОРМ должна быть подкреплена профессиональной заинтересованностью и находиться в сфере решения задач, определенных в ст. 2 ФЗ об ОРД.

Мы полагаем, что разрешить проблему с наличием профессиональной заинтересованности субъектов ОРД в осуществлении мероприятий по запросам правоохранительного органа или правоохранительной организации иностранного государства, с которым Российская Федерация заключила международный договор, должно было предписание, включенное в п. 3 ст. 14 ФЗ об ОРД, в соответствии с которым при решении определенных настоящим Федеральным законом задач ОРД органы, уполномоченные ее осуществлять, обязаны выполнять на основе и в порядке, предусмотренных международными договорами Российской Федерации, запросы соответствующих международных правоохранительных органов и специальных служб иностранных государств.

Вменение в обязанность государственной службе неких действий, ранее просто разрешенных, давняя традиция российского законодательства. При этом юридико-техническая сторона указанного вменения и по сей день оставляет много неразрешенных вопросов.

Так, в противоречие с основаниями, изложенными в Законе, для осуществления ОРМ при исполнении рассматриваемых запросов, где их инициаторами выступают международные

правоохранительные организации и правоохранительные органы иностранных государств, запросы, выполнение которых субъектами ОРД представляется обязательным в сфере международного сотрудничества, должны быть инициированы международными правоохранительными органами и специальными службами иностранных государств.

Даже для обывателя, далекого от понимания важности в законотворчестве юридических формулировок очевидно различие наименований одного и того же инициатора в двух разных связанных по смыслу статьях Закона.

В этом сопоставлении нами отмечено 3 различных наименования неких возможных инициаторов ОРМ:

1) международные правоохранительные организации (п. 6 ч. 1 ст. 7, п. 3 ст. 14 ФЗ об ОРД ФЗ об ОРД);

2) правоохранительные органы иностранных государств (п. 6 ч. 1 ст. 7, п. 3 ст. 14 ФЗ об ОРД ФЗ об ОРД);

3) специальные службы иностранных государств (п. 3 ст. 14 ФЗ об ОРД).

И если с первыми двумя категориями все более-менее понятно, то последняя вызывает определенные вопросы.

В нашем государстве отсутствует законодательное закрепление понятия «специальная служба», оставляя область его применения сфере журналистики и жаргонно-сленговой коммуникации. И дословно выполняя требования Закона субъект ОРД вынужден принять к обязательному исполнению запрос специальной службы иностранного государства (конечно же, при наличии международного договора), профиль деятельности которой может совсем не коррелировать с задачами, определенными в ст. 2 ФЗ об ОРД. По нашему мнению, допустив подобную формулировку, законодатель хотел объять весь спектр правоохранительных и специальных служб иностранных государств, занимающихся вопросами противодействия преступности. Возможно, подобное было бы уместно, будь оно идентично во всех положениях одного нормативного правового акта. Рассматриваемый нами случай к таковым не относится.

Далее препарируя архитектонику п. 3 ст. 14 ФЗ об ОРД, мы обращаем внимание на то, что обязанность выполнения субъектами ОРД запросов соответствующих международных правоохранительных органов и специальных служб иностранных государств основывается на существовании заключенного международного договора, а не на положении Закона. И наконец, этой же нормой п. 3 ст. 14 ФЗ об ОРД допускается определение порядка исполнения указанной обязанности положениями международного договора, что, на наш взгляд, является вопиющим противоречием самой сути ОРД, задачи, основания и условия которой жёстко выверены в Законе об ОРД. Ведь, например, невозможно раскрыть в международном договоре вопросы ограничения конституционных прав граждан РФ при проведении ОРМ, что, безусловно, является обыденностью при выполнении запросов других органов, осуществляющих ОРД в соответствии со ст. 13 Закона об ОРД.

И, наконец, проблема, предстающая перед практиками во всем своем великолепии: п. 3 ст. 14 ФЗ об ОРД *обязывает* (здесь и далее выделено нами – И.Ж.) сотрудников оперативных подразделений *выполнять запросы иностранных спецслужб* по осуществлению ОРМ, но сформулированное в этом же законе (п. 6 ч. 1 ст. 7) основание для проведения ОРМ (а мы априори не можем проводить ОРМ без наличия для этого законных оснований) в качестве инициаторов запроса не указывает специальные службы, что означает запрет на проведение ОРМ для указанных инициаторов. Проще говоря, сопоставление рассматриваемых норм одного и того же закона показывает, что существует обязанность сотрудников оперативных подразделений по исполнению запросов спецслужб иностранных государств, но для этого отсутствуют соответствующие законные основания.

Таким образом, существующая несогласованность п. 6 ч. 1 ст. 7 и п. 3 ст. 14 ФЗ об ОРД, а также находящиеся на поверхности неурегулированные пробелы исследованных нами норм ФЗ об ОРД являются характерным примером

стабильности правовой неопределенности, существующей в российской правовой системе.

Литература

1. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12041655>.
2. Вагин О.А., Исиченко А.П., Чечетин А.Е. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».

Л.В. Колосова

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНЫХ ПОРТРЕТОВ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Установление и поиск лиц, совершивших преступление, а также иных причастных к нему лиц, является одной из важнейших и сложных задач раскрытия и расследования преступлений. При этом достоверная и полная информация о признаках внешности человека является ключом к установлению их личностей. В настоящее время раскрытие преступлений, особенно таких, как убийства, разбойные нападения, грабежи, совершаемые в условиях визуального контакта, невозможно представить без составления субъективного портрета и использования учета субъективных портретов.

Следует отметить, что мысленный образ имеет субъективную природу, он формируется в сознании очевидца обычно при наблюдении человека, который совершает преступление. В процессе восприятия различных признаков объекта и происходит формирование образа, мысленной модели, который используется в дальнейшем для составления субъективного портрета. Мысленный образ может сохраняться в течение длительного времени, подвергаться изменениям в зависимости от индивидуальных свойств сознания личности.